

ПОЕЗДКА НА ФРОНТ

Кабалевская М.Д.,
главный редактор журнала “Учитель музыки”,
директор Музыкального культурно-образовательного
центра им. Д.Б. Кабалевского

“Сегодня выяснилось, что до 20-го нас задерживают в Москве... А потом поедем туда, где сурово, но очень интересно, как рассказывают все, едущие туда. Имей ввиду, что условия этих поездок таковы, что ты можешь быть спокойнее, чем если бы я поехал обратно в Свердловск”. Это – фраза из письма моего отца к моей маме и речь в нем идет о грядущей в феврале-марте 1942 года поездке на фронт в составе так называемой агитбригады. В семейном архиве сохранился не только дневник, но и письма, в которых Дмитрий Борисович описывал эту командировку. Когда уже после смерти и папы, и мамы я начала их читать, я не просто узнала многое о собственном отце, но и открыла для себя совершенно неожиданные потаенные уголки его души, в которые, – как я теперь понимаю, – никого, кроме мамы, он не пускал. Я нашла объяснение некоторым его поступкам и словам, которые до этого казались мне странными и поэтому запомнились надолго.

“Дневник” – это несколько страниц из записной книжки, плотно написанных мелким убористым почерком. В обычных условиях у папы был размашистый почерк, с интервалами между строк, но в данном случае экономить надо было не только бумагу, но и максимально уменьшить объем текста, – его содержание по военным меркам тянуло на приглашение военной тайны со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме этого – еще около 20-ти открыток и писем, посланных жене. На каждом – штамп “Проверено военной цензурой”.

8-й поезд с Фронтом в Курган. Редакция.
 9-й поезд в Свердловск. Промышленность.
 10-й поезд в Бел. Кол. Заводы.
 11-й поезд в Курган. Редакция.
 12-й поезд в Курган. Редакция.
 13-й поезд в Курган. Редакция.
 14-й поезд в Курган. Редакция.
 15-й поезд в Курган. Редакция.
 16-й поезд в Курган. Редакция.
 17-й поезд в Курган. Редакция.
 18-й поезд в Курган. Редакция.
 19-й поезд в Курган. Редакция.
 20-й поезд в Курган. Редакция.
 21-й поезд в Курган. Редакция.
 22-й поезд в Курган. Редакция.
 23-й поезд в Курган. Редакция.

26
 27
 28
 1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23

Дневник Д.Б. Кабалевского

Я держу в руках его письмо, датированное 3 февраля 1942 года. Дмитрий Борисович только что вернулся из Свердловска, где в эвакуации жила вся его семья, – мама Надежда Александровна, старшая сестра Елена Борисовна с детьми Сашей и Маришей, жена Лариса Павловна и сын от первого брака пятилетний Юрик. В московской квартире холод – температура 8 – 10 градусов ниже нуля, “двери покрыты толстым пушистым инеем, стены блестят от тонкого слоя льда и инея. Прикоснуться к вещам нельзя – обжигает ледяной холод...”. И тем не менее он с восторгом пишет о том, что “там, куда нас вызывали сегодня”, сказали, что “несколько человек будет послано от Союза композиторов в прифронтовую полосу. Как ты знаешь – об этом последнем я все время думал и буду по-настоящему счастлив, если попаду в число отобранных для такой поездки”. Перспективы поездки начинают проясняться через неделю. В письме от 11 февраля он пишет: “До двадцатого нас задерживают в Москве, чтоб мы закончили все свои работы...”. Вот письмо от 14 февраля: “Сегодня будет концерт на радио “Композиторы – фронту”. Будет исполнено 9 сочинений девяти авторов (Белый, Держинский, Хренников, Блантер, Коваль, Мурадели и я). Сами авторы аккомпанируют, и гонорар пойдет на строительство танковой колонны”.

Наконец, все прояснилось. В письме от 22 февраля Дмитрий Борисович пишет: “...25-го я уезжаю (с Белым и Держинским) в Н-ском направлении (могу только сказать, что на юго-западный участок) и вернусь 5-го марта. Жду я этой поездки с воз-

растающим нетерпением. Вероятно, впечатлений за эти 10 дней будет больше, чем за все 8 месяцев войны...". И вот последнее перед отъездом из Москвы письмо от 25 февраля: "Дорогая Лялюшка! Теперь жди письма из Воронежа и затем открьток из неопределенных мест... Из

Д.Б. Кабалевский. Июль 1941 г.

всей нашей братии только трое не едут – Тихон, т.к. ему срочно понадобилось ехать в Свердловск, Блантер, который почувствовал себя не вполне здоровым, и Листов, который собирается ехать во флот. Все осталь-

ные едут. Вместе со мной – Белый и Дзержинский...".

Следующее письмо датировано первым марта. В Воронеже композиторы оказались только через неделю, и то пассажирским поездом они ехали только до г. Грязи, а там им пришлось всеми правдами и неправдами упрашивать пустить их в служебное отделение багажного вагона проходившего поезда. Первые впечатления: "По дороге проезжали г. Михайлов и ряд других мест, освобожденных от немцев. Тяжелая картина. Разрушенные станции и дома, необрушенный хлеб...". Вскоре выяснилось, что поездка в прифронтовую полосу начнется через два дня. В письме к жене от 3 марта Дмитрий Борисович пишет: «Люди, с которыми мы здесь встречаемся – это замечательные люди. Одно общение с ними доставляет огромную радость и заставляет с отвращением вспоминать наши бесконечные заседания и совещания... Замечательно то, что все мы здесь нужны, нужны именно как композиторы. Работы уйма и никогда еще не хотелось так работать, как сейчас... Сегодня мы встретились с Дм. Покрассом, приехавшим оттуда, куда мы направляем-

ся... Завтра у нас (общий – тройной) авторский концерт по радио, я сыграю свою "Партизанскую балладу", уже начал новую песню – лирическую, на текст Головановского "Песня о наших сердцах". Пиши мне по адресу Действ. Армия, почт. Пол. Станц. 28, фронтовое радиовещание, диктору Е. Бэлза для меня». Именно в эти дни Кабалевский познакомился с поэтом Евгением Долматовским, и они остались друзьями на всю жизнь. Двадцать три года спустя Евгений Долматовский подарил папе в день 60-летия бюст Листа и от руки на нем написал такие стихи:

*Ты помнишь, как среди метели
Колеса пушечные пели?
Затем прошли мы все невзгоды,
Чтоб школьные запели годы.
В эпоху ча-ча-ча и твиста
Прими в подарок Франца Листа!*

И подпись: Евг. Долматовский, январь 1965 года.

В письме от 5 марта Дмитрий Борисович пишет жене: "Ты не должна обо мне беспокоиться ни одной минуты. Я буду находиться в таких условиях, что со мной ничего не сможет случиться, разве что грипп или расстройство желудка. Да и это исключено. Итак, ты должна быть за меня абсолютно спокойна...". Какие именно это оказались условия – мы узнаем из его дневниковых записей, открьток и нескольких писем. Все они, как я уже написала, приходили адресату со штампом военной цензуры.

Седьмого марта Д. Кабалевский, Е. Долматовский и Шапиро (спецкор ВРК) доехали до города Лиски, где и застряли на сутки. Восьмого марта их продвижение в сторону фронта продолжилось. Дмитрий Борисович пишет жене: "Сегодня написали с Долматовским первую совместную песню: "Любо, ребята, мне о подруге вспоминать среди огня. Может, на Сане, а может, на Буге – девушка ждет меня...". На следующий день закончился их "железнодорожный путь". Теперь они поедут на машинах и первый пункт на этом отрезке пути – город Купянск. Их еще не переодевают в военную форму, а вот военной теплой ушанкой папа обяза-

велся еще в Воронеже. Между прочим, эта ушанка спасла ему жизнь. Дело в том, что когда в Купянске они с Евгением Долматовским “ходили по начальству” (цитата), в какой-то момент нужно было перейти перекрытый шлагбаумом перед проходом поезда железнодорожный переезд. Когда поезд прошел – они вступили на переезд, не дожидаясь поднятия шлагбаума. И подниматься он начал точно в момент, когда мимо него проходил Дмитрий Борисович. Удар железной трубой пришелся чуть выше виска, он был не очень силен, но крови было много. Его отвезли в госпиталь, зашили и перебинтовали голову. По словам папы, самое смешное в этой истории было то, что врач пытался смыть с его шеи родимое пятно темно-красного цвета, приняв его за след “ранения”.

Десятого марта – отъезд в Белую Колодезь, одиннадцатого – они на машинах приезжают в село Первое Советское и знакомятся с генералом Руссияновым, чья дивизия обороняла подступы к Москве на этом направлении.

У генерала им была устроена “роскошная встреча”, после которой по дороге домой (то есть в хату, где их поселили) почему-то только Кабалева задерживает патруль. Начальству докладывают: “Задержали подозрительного штатского”. Конечно, освободили его очень быстро, и сразу же и ему, и Долматовскому, выдают военную форму (папа это назвал “великое обмундирование”).

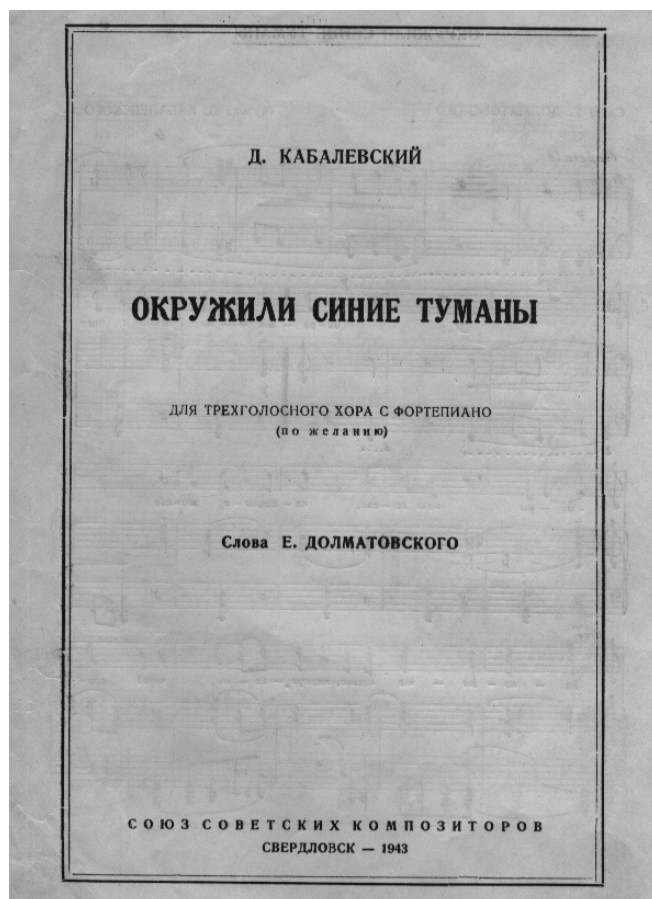
На следующий день, 12 марта, их везут на огневые позиции нашей артиллерии. Там они присутствуют при вручении партбилетов. Фактически это было вступление в партию во время боя, потому что, как писал Дмитрий Борисович в письме, «эта торжественная процедура прерывалась командой “Огонь!” и стрельбой по противнику». Тогда же командир одного из гвардейских полков дивизии подарил ему оружие – какое именно, неизвестно, папа об этом никогда не говорил.

Утром тринадцатого марта они присутствовали на допросе, суде и расстреле предателя, сотрудничавшего с немцами, когда село было ими

занято. Вечером того же дня им показали только что захваченных в плен немцев. Как об этом писал в письме Дмитрий Борисович: “Все они представляют собой отвратительное и жалкое зрелище. Грязные, вшивые, отчаянно одетые – в летней одежде, – словом, задрипанные до последней степени... А вообще – мразь!”. Под впечатлением этих событий была написана “Песня 1-й Гвардейской дивизии”. Тогда же Д. Кабалева и Е. Долматовский встретились с местными партизанами.

Следующие несколько дней были настолько переполнены событиями и впечатлениями, что за пять дней Дмитрий Борисович не написал ни одного письма домой. Короткие записки в дневнике говорят сами за себя.

14 (марта). С генералом на передовых. Немцы видны невооруженным глазом. Удар наших по селу, занятому немцами. Катюша и самолеты. Потерял маскировочные штаны в овраге, простреливаемом из пулеметов и ружей. Убитые. Братская могила. Смерть бойца. Завтрак в палатке под свист бомб. Рубежное: трубы и печи,

ОКРУЖИЛИ СИНИЕ ТУМАНЫ

Слова Е. ДОЛМАТОВСКОГО Музыка Д. КАБАЛЕВСКОГО

Moderato

да кровати. Трупы немцев и лошадей. Изба с выбитыми стенами: трупы двух немцев и старика. Предупреждение на ночь об опасности.

15. Партизанка Оля. Пленные и допросы.

Налет на село. Партизанская песня, написанная на глазах у начштаба. Пение песен у Руссиянова и разучивание их. Надо научиться играть на баяне.

16. Завтрак у Руссиянова.

17 – 18. На машинах в Белую Колодезь. Встреча с ансамблем и разучивание трех песен.

19. Отъезд в Старый Салхов. Танки.

20. На передовую в Октябрьское. Самолеты над машиной. Политрук Дьяконенко – 29 танков и 600 немцев. Танкист в подбитом танке, берущий снаряды из немецкого подбитого танка, а потом ведущий в бой пехоту и берущий село. Подарок от Дьяконенко – трубка. Налет 11 бомбардировщиков. На голову летят стекла. В 10 метрах от рвущихся бомб. Мрачный завтрак, обстрел из минометов, раненный шофер. Отъезд по обстреливаемой дороге.

21. Налеты на село. Работа над партизанским циклом. Идея танковой песни.

22. Капитан Заярный: глубокий рейд в тыл противника, 7 разведок. Пленный генерал.

23. Две бомбежки с утра. На машине в Петропавловку. Авария с машиной. Остановка в лесу. Танк с кровью убитого командира. Знакомство с Родимцевым. Петропавловка – Воронеж на У-2, разговор с пилотом. На машине в город.

24. Встреча с Белым и Дзержинским. Песни, штаны, ботинки и галоси остались у Долматовского!..

Такова хроника фронтовой командировки. К сожалению, далеко не все я могу расшифровать, – мне он старался рассказывать только смешное или очень неординарное. Да и в письмах к маме об ужасе войны – самые скупые слова, он не хотел ее волновать. Я попробую вспомнить как можно больше.

Когда папа пишет “ездили на передовую” – это была действительно передовая линия огня, находясь на которой, можно было видеть немцев в

прямом смысле слова “невооруженным глазом”. Фраза о маскировочных штанах – это история, которая могла бы закончиться трагически, потому что потерять маскировку на глазах у противника – значило стать живой мишенью. Впрочем, в тех условиях для того, чтобы быть убитым, это не было обязательным; убитых на передовой было столько, что их хоронили в братских могилах и не обозначали места захоронения, чтобы не делать ее еще одной мишенью для немцев. На залпы “Катюш” и артиллерийский налет немцы ответили тоже налетом. Свист немецких бомб папа слышал, сидя за походным завтраком в генеральской палатке и беседа с генералом. К этому времени, кроме песни Гвардейской дивизии, они с Евгением Долматовским написали еще две песни – партизанскую и лирическую – и планировали написать еще три – песню пехоты, песню летчиков и песню танкистов. Когда разучивали одну из написанных песен с бойцами, те увлеклись и стали петь слишком громко и командир приказал петь шепотом, чтобы не

Заярьный слышал... Заполет песню, партизаны, чтоб друзья услышали ее.

60 коп.

1. Окружили синие туманы
Наш лесок, походное жильё.
Заполет песню, партизаны,
Чтоб друзья услышали ее. } 2 раза
2. Пусть на небе звезды светят ярко
Я гадать не стану о судьбе.
Что грустишь ты, Оля-партизанка,
Или Киев вспомнился тебе? } 2 раза
3. Не грусти, туда вернемся вскоре,
Погуляем около Днепра,
Отомстим врагу за кровь и горе
И настанет славная пора. } 2 раза
4. Ведь не даром «мстителем» зовется
Наш отряд, пристанище мое.
Эта песня шепотом поется,
Чтоб враги не слышали ее. } 2 раза

услышали немцы. Так родилось название “Песня шепотом”. Уже потом, в письме к жене, датированном 21 марта, Дмитрий Борисович напишет о своей встрече с танкистом Дьяконенко, который подарил ему трубку, но не простую, а взятую им из одного подбитого немецкого танка. Дьяконенко любил музыку, оказалось, он знал оперу Кабалевского “Кола Брюньон”. К сожалению, в апреле 1942 года он погиб от ранения в голову. Суд над предателем папа описывает крайне сжато и в непривычной (по крайней мере, для меня) жесткой форме: “Трудно представить себе что-либо омерзительнее, чем этот тип, которого нельзя назвать человеком...”. Зато о Руссиянове – целая страница письма: “Это поразительный человек, точь-в-точь такой, как мы представляем себе настоящих полководцев. Удивительная подробность, характеризующая его как человека: несмотря на напряженную и сложную обстановку, он лично заботится обо всех, мелких даже, деталях нашей жизни...”.

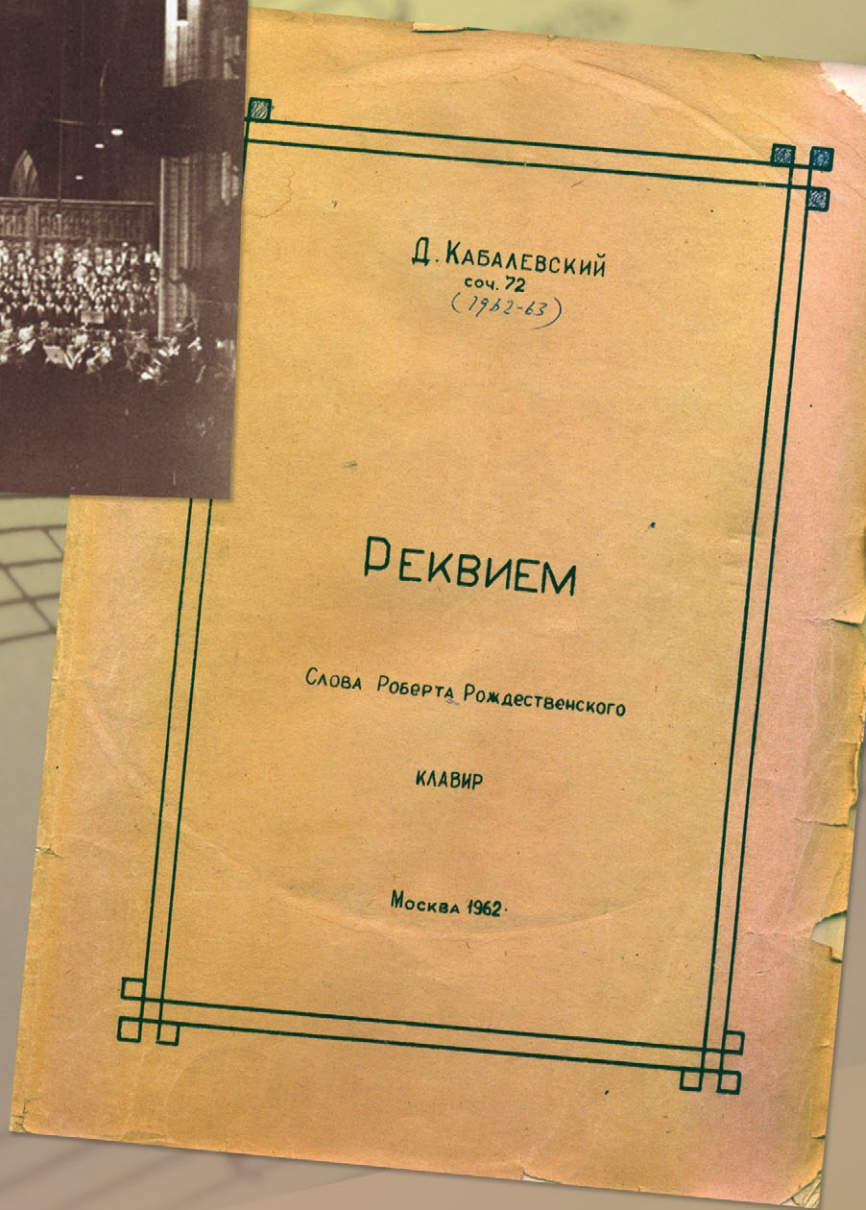
Фраза “Налет 11-ти бомбардировщиков. На голову летят стекла...” на самом деле подразумевает эпизод, классически иллюстрирующий папино стремление во всем находить смешное. Он рассказывал, что когда начался налет, он и его тогдашний сосед по хате (тоже штатский), как

их инструктировали, выскочили на улицу и попадали на землю. Но их не предупредили, что надо убегать от домов, потому что именно их и старались разбомбить немцы, недавно из этого села выбитые. Они же, наоборот, инстинктивно прижались к стене. Их жизни спасло то, что, по словам папы, первый летчик промахнулся и попал по улице, а вслед за ним и все остальные со свойственной немцам педантичностью уложили все снаряды аккуратно по центральной улице села. Стекла из окон все вылетели прямо на головы лежащих. Папа же красочнее всего рассказывал о том, что его сосед не просто упал на землю, но и спрятал голову к папе под шинель “со стороны спины”. А фраза “Авария с машиной” означает трагикомический эпизод по дороге из села Октябрьское в Петропавловку. Всех, кто туда ехал, погрузили в полуторку с брезентовым верхом и закрыли задний полог. То есть они ничего практически не видели и только слышали, как время от времени над ними пролетают бомбардировщики. Машина то тормозила, то ехала вперед, то виляла по дороге. И вдруг – визг тормозов, резкий удар и всем на головы обрушивается крыша вместе с державшими ее металлическими трубами. По признанию папы, все струнулы – от нервного напряжения по-

казалось, что перед машиной разорвался снаряд. На самом деле ехавшая навстречу такая же полуторка не разъехалась с той, в которой они ехали. Машины зацепились крышами и те сломались. Зато перелет на У-2 был менее веселым и намного более опасным. Можно не считать того, что в самолете не было пола и ногами надо было упираться в стенки корпуса, а над головами не было так называемого “фонаря”. Летчик несколько не сомневался в том, что по пути их обнаружат “мессеры” и начнут обстреливать. Инструкции были предельно простыми: “Когда мессер будет на нас пикировать, я сделаю посадку, а Вы тогда быстро вылезайте из машины...”. К счастью, это не понадобилось.

Еще два дня в Воронеже – и 30 марта вся компания, включая Белого и И. Дзержинского, уже в Москве. О том, как много дала папе эта поездка можно судить по нескольким фразам из его последних “фронтовых” писем: “Несмотря на то, что я здесь посмотрелся много страшных вещей – я рад тому, что попал сюда. Это огромное душевное обогащение”. “...Я теперь знаю многое, о чем до сих пор имел смутное, схематическое представление”.

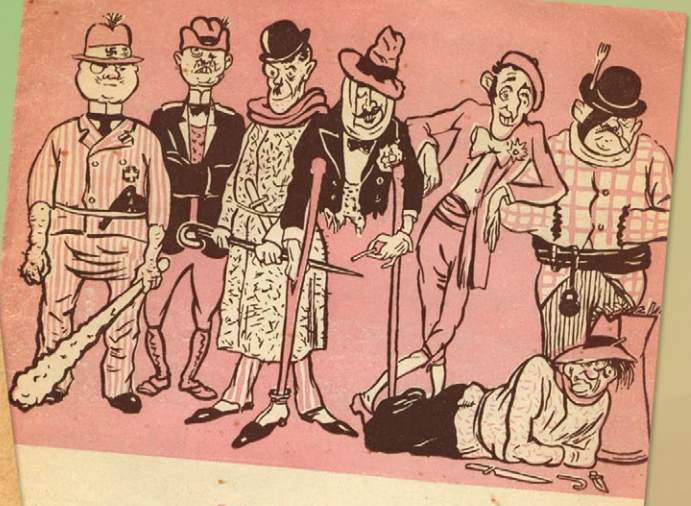
По-моему, эти слова не нуждаются в комментариях. А я поняла, почему папа написал “Реквием”.

*"В то дни"
с. Маршак*

Новые ОБОРОННЫЕ Песни

Песни с фортепиано

Д. КАБАЛЕВСКИЙ

КЛИЧЕТ ГИТЛЕР РИББЕНТРОПА

МУЗЫКАЛЬНАЯ САТИРА
ДЛЯ БАСА С Ф-П.

СЛОВА
С. МАРШАКА

МУЗГИЗ
МОСКВА · 1942 · ЛЕНИНГРАД

*Кансашальская - боевая
с А. Тюрло*

Песни Великой Отечественной войны

СОЮЗ СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ ИМ. МУСОРСКОГО
СВЕРДЛОВСК - 1942

Д. КАБАЛЕВСКИЙ

ДЕВУШКА ЖДЕТ МЕНЯ

для голоса или хора
с фортепиано

Слова Е. ДОЛМАТОВСКОГО

МУЗГИЗ
Москва 1942 Ленинград